

Ф. Г. Галиева**«БАШКИРИЗАЦИЯ» КОСТЮМНЫХ КОМПЛЕКСОВ
УДМУРТОВ И МАРИЙЦЕВ БАШКОРТОСТАНА¹**

В статье рассмотрен процесс формирования региональных вариантов традиционных костюмов. Обобщены сведения исследователей XVIII – начала XX в. (П. С. Паллас, Н. П. Рычков, В. М. Черемшанский, И. Н. Смирнов, П. Ерусланов, У. Хольмберг и др.) и материалы финно-угорских музейных коллекций. Отмечено, что рассмотрение «удмуртских», «марийских», «башкирских» и других традиций возможно с большой степенью условности, исходя из длительного этапа сложения финно-угорско-тюркской общности и выделения этносов при несовпадении их этнокультурных границ. Показано, что в работах прошлых столетий башкиры обобщались с татарами, под татарами подразумевая в целом «восточные» народы. Данные официальной статистики свидетельствуют, что в изученных районах (Бирский, Белебеевский, Мензелинский уезды Уфимской губ.) проживали башкиры. Согласно корпусу источников, эволюция костюмов удмуртов и марийцев Башкортостана шла схожим путем. В конце XVIII в. наблюдалось восприятие отдельных элементов (девичьих головных уборов). В первой половине XIX в. произошла «башкиризация» мужского костюма (заимствование головных уборов, верхней распашной одежды камзол и бешмет). Удмуртский и марийский женские костюмы оказались в едином потоке этнокультурных изменений вместе с башкирским и татарским, в ходе демократизации общества, формирования единого торгово-экономического и этнокультурного пространства с меняющейся модой. В середине XIX в. у разных народов сосуществовали традиционные бело-холщовые одежды, изделия из крашеины и пестряди, а также из мануфактуры. Новые ткани вначале использовались как элемент отделки изделий, затем самостоятельно. Предпочитались яркие тона и украшения из монет. Многовариантными стали покроя и способы декорирования одежды. Сформировался образ «башкирских» удмуртов и марийцев.

Ключевые слова: удмурты, вотяки, марийцы, черемисы, башкиры, татары, Башкирия, Волго-Уральский регион, финно-угорско-тюркская общность, музейные коллекции, эволюция традиций.

DOI: 10.35634/2224-9443-2022-16-4-628-640

В предыдущей публикации автора в издании «Ежегодник финно-угорских исследований» (том 14, выпуск 2) рассмотрен финно-угорский пласт культуры в погребальной обрядности башкир [Галиева 2020]. Целью настоящей статьи является изучение обратного явления – влияния башкир на финно-угорские народы, более конкретно – на костюмные комплексы закамских удмуртов² и восточных марийцев³, выяснение механизмов формирования уникальных «башкирских» вариантов. Хронологическими рамками исследования являются XVIII – начало XX в., включая этапы заселения финно-угорскими народами башкирских земель (начиная со 2 пол. XVI в. после присоединения Башкирии к Русскому государству), адаптации к местным условиям, внутриэтнической и межэтнической консолидации.

Описания костюмных комплексов удмуртов (вотьяков) и марийцев (черемисов), проживающих на территории Башкирии (Башкортостана, Уфимской губ., ранее – Оренбургской губ.), имеются в трудах П. С. Палласа, В. Лоссиевского, В. М. Черемшанского, И. Н. Смирнова, А. О. Хейкеля, У. Хольмберга, современных исследователей Г. А. Сепеева, Т. Л. Молотовой, Р. Р. Садикова и других авторов. Новизна настоящей работы заключается в рассмотрении источников – письменных

¹ Исследование выполнено в рамках государственного задания № АААА-А21-121012290086-0 ИЭИ УФИЦ РАН на 2021–2023 гг.

² Удмурты Башкортостана относятся к этнографической группе закамских удмуртов. Они проживают в северо-западных районах Башкортостана, а также в Куединском районе Пермского края, Красноуфимском районе Свердловской области, Бавлинском районе Татарстана. В 2010 г. численность удмуртов в Башкортостане составляла 21,5 тыс. чел. (0,5% населения республики) [Садиков 2016].

³ Марийцы Башкортостана относятся к этнографической группе восточных марийцев, которая сформировалась на территории Башкортостана, Удмуртии, Татарстана, Свердловской области, Пермского края. В 2010 г. численность марийцев в Башкортостане составляла 103,7 тыс. чел. (2,6% населения республики) [Садиков 2016].



сведений, а также этнографических артефактов в контексте постепенной «башкиризации» культуры удмуртов и марийцев Башкортостана.

Прежде чем приступить к изложению результатов работы, следует заметить, что рассмотрение «башкирских», «удмуртских», «марийских» элементов культуры возможно с большой степенью условности, исходя из многовекового этапа формирования финно-угорско-тюркской общности [Кузеев, 1992]. В период Волжской Булгарии (X–XIII вв.), Золотой Орды (1224 – нач. XVI в.) и Казанского ханства (1438–1552) сложились некоторые общие элементы финно-угорских и тюркских культур, в том числе в национальных костюмах.

На сходство культур финно-угорских и тюркских народов обращали внимание П. С. Паллас, И. И. Лепехин, И. Г. Георги, П. И. Рычков. Многие путешественники и исследователи края XVI–XIX вв. (С. Герберштейн, И. П. Фальк, Шапп де’Отрош и др.) даже ошибались в этнической атрибуции изображений народов Урало-Поволжья. Их уточнением успешно занимается Е. Е. Нечвалода [2019, 2020]. Действительно, при рассмотрении, например, башкирки в книгах И. Г. Георги [2007] и П. С. Палласа [1786] возникают аналогии скорее с удмуртами, марийцами, чувашами, чем с современными башкирами. Дело в том, что изображенный башкирский женский наряд не включает распашную верхнюю одежду, как стало принято с XIX–XX вв. Туникообразная рубаша из белой дмотканины с «входящими» рукавами, круглым шейным вырезом и прямым грудным разрезом была характерна для разных народов. Совпадали конструкции, материалы, характер орнамента (вдоль швов, у грудного разреза, на подоле и на рукавах), особенности вышивки (цветовая гамма с преобладанием красного цвета марены). Нагрудное украшение в виде сетки из бисера вызывает ассоциации с чувашским *сухал*, хотя имело место и в традиционном костюме башкир [Никонорова 1997]. Сложный головной убор представляет один из вариантов, бытовавших у народов региона, в одежде которых были высокие головные уборы с каркасным остовом (*шурка* у марийцев, *айшон* у удмуртов, *панго* у мордвы и их модификации: *шимакш* у марийцев, *калябаи*, *такя* у башкир и др.). Иной вариант головного убора, похожего на полотенце – *шарпан* у марийцев, *чалма* у удмуртов, *тастар* у башкир и казанских татар [Кузеев 1992; Молотова 1992, 35]. Головные уборы дополнялись налобной полоской холщовой ткани, украшенной мелкой счетной вышивкой (*харауыс* у башкир, *йыркерт* у удмуртов, *нашмак* у марийцев, *масмак* у чувашей) [Кузеев 1992, 200–203]. Общим элементом костюма у народов Волго-Уральского региона были нагрудные украшения и перевязи с использованием монет, бисера, бус, раковин, кораллов и ювелирных украшений [Паллас 1786, ч. 2, кн. 1, 98; Руденко 2006, 160–161; Татары 2017, 426; Смирнов 1890, 100].

В ходе этногенеза народов Волго-Уральского региона инкорпорировались многие культуры. Выделение этносов происходило при несовпадении их этнокультурных, языковых границ и при сохранении разнообразных этнических взаимодействий, формировании новых этнокультурных общностей, обусловленных этногеографическими перемещениями, природно-географическими, хозяйственно-культурными, социально-политическими факторами. Сложение костюмных комплексов удмуртов и марийцев Башкортостана шло в зоне взаимодействия лесной и степной зон, соответственно охотническо-земледельческих и степных скотоводческих традиций.

В процессе складывания регионального пласта культуры особенно тесные этногенетические и этнокультурные контакты наблюдались у башкир и татар. В то же время, согласно исследованию С. В. Сусловой, генезис татарской сельской культуры бывших Казанской, Уфимской, Оренбургской и ряда других губерний был связан с традициями местных финно-угорских народов региона – мари, удмуртов и мордвы, костюм татар Зауралья и горной Башкирии – с башкирами [Суслова 2018, 196 – 200], составной частью которых в свою очередь стали угро-самодийские напластования [Шитова 1984]. Вероятно, дифференцировать «башкирское» этнокультурное влияние можно со времени вхождения Башкирии в состав России, когда завершился этап консолидации многочисленных племен и формирования этноса [Кузеев 2007, 481].

Отдельно следует обговорить тот факт, что вплоть до XX в., как будет показано ниже, русскими и зарубежными исследователями башкиры обобщались с татарами. Под татарами подразумевались и другие «восточные» народы; для уточнения использовались названия местности (абаканские татары – о хакасах, вогульские татары – о манси и т. д.). В книге французского исследователя 1890 г. Шарля Рабо читаем: «татарами русские называют различные турецкие племена и магометан европейской части империи» [Рабо 2021, 37].

Для того чтобы разобраться, идет ли речь в нашем случае о татарах или башкирах, обратимся к данным официальной статистики. В процессе проведения Первой переписи населения

1897 г., когда этничность фиксировалась по конфессии и языку, для 38,2% жителей Уфимской губернии родным языком был русский, 40,7% – башкирский, 8,4% – татарский, 3,6% – черемисский (80,6 тыс. чел.), 1,0% – вотякский (22,5 тыс. чел.). Ареалом исследования финно-угорского населения Уфимской губернии в XVIII – начале XX в. был Бирский уезд, в меньшей степени Белебеевский и Мензелинский уезды. В них проживало наибольшее количество людей с родным башкирским языком: в Бирском – 261, 9 тыс. (29,1% населения уезда), Мензелинском – 32,8%, Белебеевском – 25,9%. Перепись крестьянского хозяйства Уфимской губернии 1912–1913 гг. дала информацию, что в Бирском уезде проживало 232, 9 тыс. башкир (39,1% населения уезда), 143, 3 тыс. русских, 75,9 тыс. марийцев, 53,5 тыс. тептярей, 45,1 тыс. мишарей, 23,1 тыс. удмуртов, 17,3 тыс. татар.

Благодаря историко-этнографическим сведениям, накопленным в XVIII – начале XX в., представляется возможным выявить процесс формирования «башкирских» вариантов костюмов марийцев и удмуртов Башкирии. Так, по описанию П. С. Палласа, побывавшего в 1773 г. в марийских деревнях Кябаке (ныне Калтасинского), Сузабешаше (Янаульского) и Иванькине (совр. Краснокамского р-на Республики Башкортостан, далее – РБ) одежда местных черемисов практически не отличалась от таковой у поволжских марийцев. Вместе с тем у девушек он зафиксировал «по образу татарок круглые копейками уложенные шапки» [Паллас 1786, 27–28]. Очевидно, П. С. Паллас описал головной убор *такя* – шапочку полусферической заостренной формы, украшенную монетами. По этнографическим коллекциям Музея археологии и этнографии Института этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева УФИЦ РАН (далее – МАЭ) *такя* у марийцев Башкирии (инв. 1082-23, инв. 891-18, Мишкинский р-н РБ) украшалась кораллами, рядами монет и бус, бисером. Бахрома из бус прикрывала уши и шею, а к верхней части крепилась бисерная сетка [Финно-угорские народы... 2006, 14]. В республике Марий Эл такой головной убор не носили [Шитова 2002, 360].

В. Лоссиевский также пишет о «татарском» влиянии на черемисов, но уже о более существенных изменениях, которые произошли к середине XIX в. По его сведениям, 1848 г., в Бирском уезде «Черемисы мало имеют различия с татарами. Таковую же носят длинную рубашку, кафтан и тюбетейку»; «как мужчины, так и женщины, носят легкий кафтан из белого грубого холста, особого покроя и с вышивкою на воротнике, рукавах, полах и лифах простым шелком». Вместе с тем, автор сообщает о бытовании в то время среди мариек губернии старинных головных уборов типа *шурка* [Лоссиевский 1848, № 41]. Вышивка шелком на отложном воротнике, на концах рукавов и на подоле рубаш практиковалась и у башкир [Руденко 2006, 144]. Что же касается тюбетейки, по мнению С. И. Руденко, башкирами она покупалась у татар, сами башкиры ее не изготавливали [Руденко 2006, 145], то есть, вероятно, это была модная вещь у мужчин, и она не отражала этническую принадлежность.

Рассмотрим одежду марийцев. В. М. Черемшанский говорит об их белых холщовых вышитых рубашках, белых посконных кафтанах, а также об обшивке черного кафтана позументом, о наличии пестрядинных рубаш – то есть о сосуществовании в середине XIX в. разных вариантов одежды и способов декорирования. Помимо традиционного женского головного убора «шена шобычо» (*шынгашо-вычо, а́кйй*), он описал *кашпау* – «это довольно высокая усечено пирамидальная шапка, сверху несколько сплюснутая, которая унизывается мелкими старинными монетами или жестяными и оловянными круглыми пластинами. Сзади к этому убору прикрепляются концы вроде длинных кос, также унизанные разною серебряною монетою – сверху крупною, а книзу постепенно мелкою». Это праздничный головной убор, носимый зажиточными черемисками, его стоимость достигала от 10 до 20 руб. серебром [Черемшанский 1859, 181]. У башкир *кашмау* был головным убором замужних женщин, *такя* – девичьим.

По В. М. Черемшанскому [1989, 181], в костюмный комплекс черемисок входили нагрудники *кóкрак*, штаны, из обуви лапти или башмаки *ката*. По сведениям Н. А. Гурвича, коты (башмаки) продавались на рынках Уфимской губернии по стоимости в 1880-х гг. от 60–70 коп. до 1 руб. 60 коп. [Гурвич 1883, 71] и потому могли быть в обиходе разных народов. Обувь *ката*, нагрудники, носимые под платьем и сверху него, входили в состав костюма башкир.

В 1889 г. опубликовано исследование И. Н. Смирнова о черемисах, в котором автор пишет не только о сходстве в одежде, но и внешнем виде: «В Бирском уезде Уфимской губернии черемисы по костюму ничем не отличаются от татар или башкир. Мужчины бреют или коротко стригут головы, носят тюбетейки, рубашки с татарскими отложными воротниками, полосатые узкие кафтаны с короткими рукавами. Женщины бросили свои расшитые рубашки и надели цветные татарские, не носят пояса, шейных и грудных украшений из бисера или денег. Единственным остатком национального костюма здесь является у замужних женщин тюрик (шима-ковыч). Во всем остальном черемисские женщины, подобно



мужчинам, представляют точное подобие татарок» [Смирнов 1889, 79]. И. Н. Смирнов также констатирует, что под влиянием башкир и татар у мари войлочные шляпы стали круглыми с довольно широкими загнутыми полями, в то время как на прежних местах обитания их форма была цилиндрическая. От башкир были заимствованы сапоги-коты (*шулышан ката*) с суконными или войлочными голенищами [Смирнов 1889, 108]. Сапоги с войлочными голенищами башкирами в свою очередь были восприняты из сибирского угорско-самодийского мира [Шитова 1984].

Финский этнограф А. О. Хейкель, в 1884 г. посетив марийцев – жителей деревень Чураево, Кильбахтино, Киебак и Тюльди Бирского уезда Уфимской губернии, обнаружил, что все мужчины носили «татарскую» одежду, марийскую же надевали только женщины. Художник А. Рейнгольм, сопровождавший А. О. Хейкеля, в д. Чураево, изобразил белый вышитый кафтан, а также юношу в кафтане и тюбетейке, заимствованную от башкир и татар; в д. Кильбахтино – мариек в традиционной вышитой одежде [Садиков 2016, 30].

Другой финский лингвист, Хейкки Паасонен, после посещения д. Чураево Бирского уезда в 1900 г. подтвердил факт, что мужская одежда у марийцев в окрестностях Бирска перенята от «татар», и это особенно характерно для нынешнего поколения. Он пишет, что женщины также начинают перенимать «татарскую» одежду [Садиков 2016, 31].

Финский исследователь Уно Хольмберг, в 1911 и 1913 гг. изучавший родственные народы в Уфимской губернии, сделал фотографии. Две черемиски, позирующие фотографу, изображены в традиционных национальных костюмах, высоких каркасных головных уборах и нагрудных украшениях, а группа женщин во время ритуала предания земле – в простых белых платках, повязанных под подбородком, как и вотячки на земледельческих праздниках [Путешествия... 2014, 124, 76, 77].

Одно из самых развернутых описаний влияния «окружающих инородцев-магометан» дал в 1896 г. П. Ерусланов. Он констатировал, что «отличить по костюму белебеевских и мензелинских черемисов от татар довольно трудно, так как они одеваются по-татарски: неизбежная тюбетейка, шляпа летом и малахай (особой формы шапка) зимой, кафтан татарского покроя, камзол и бешмет у богатых, высокие кожаные калоши, белые суконные чулки – все это до поразительности сближает черемисов с окружающими инородцами магометанами. Женский костюм тоже весьма схож с татарским. Одежда женщин состоит из ситцевой или холщовой рубахи с широким, как у татарок, подолом с оборками по краям. На грудь надевают нагрудник с позументами, верхним платьем служит камзол с позументами без рукавов или с широкими длинными рукавами» [Ерусланов 1896, 325]. При этом традиционный головной убор «шыма шовычо» (сорока) давно забыт, «шарпан» уже не похож на головной убор казанских черемисок: он представляет собой обыкновенное полотенце, один конец которого наворачивается на голову, а другой спускается на спину. Все чаще местные черемиски носят платки, подвязывая их, как татарки. В марийских селениях Токбердивой, Князевой и Сокто популярны башкирские женские головные уборы «кийкча» (в виде квадратного белого платка с вышивкой по краям или без нее) и «хашпау» [Ерусланов 1896, 325]. То есть речь идет о заимствованных мужчинами головных уборах тюбетейка и малахай, женщинами – *кашпау* и *кыйыкса*; последний представлял собой вид *тастара* – белого головного полотенца, закрывавшего плечи; в северо-западных районах его носили пожилые башкирки [Руденко 2006, 167]. Также переняты кафтан, бешмет, оборки на подоле женских рубах.

В марийских коллекциях МАЭ можно проследить разнообразие вариантов одежды – традиционных и испытавших влияние башкир, в том числе соединяющих обе традиции в одном изделии. Детская рубаха-платье (МАЭ, инв. 891-2, Мишкинский р-н РБ) – традиционно туникообразного кроя, но отрезная ниже талии. Вместо домотканины использовался белый ситец. Подол широкий, имеет две оборки из ткани синего и черного цвета, сшит из трех полос, каждая из которых представляет собой соединенные в лоскутной технике четырех- и треугольники белого и малинового цветов [Финно-угорские народы... 2006, 22–23]. В башкирской культуре выполняют функцию оберегов и особенно часто используются на детской одежде. Кафтан туникообразного покроя (МАЭ, инв. 894-11, Мишкинский р-н РБ) традиционно изготовлен из белого льняного домотканого холста, но по подолу украшен тремя оборками синего, красного и голубого цветов, а также аппликативными нашивками полосок цветных тканей на манжетах и оборках [Финно-угорские народы... 2006, 24–25]. Фартук с грудкой из ткани черного цвета также имеет оборки, складки и цветные нашивки (МАЭ, инв. 855-4, Илишевский р-н РБ). Примечательно, что мода на оборки коснулась не только одежды, но и полотенца (МАЭ, инв. 1076-10, Калтасинский р-н РБ; инв. 891-11, Мишкинский р-н РБ) [Финно-угорские народы... 2006, 42–45].

В фондах Национального музея Республики Марий Эл им. Т. Евсеева немало изделий, также характеризующих эволюцию костюма восточных марийцев. Более ранние экземпляры одежды изготовлены из белого холста, затем – из окрашенного холста и пестряди, позже – из фабричных тканей. К концу XIX в. фартуки шились с грудкой из пестряди и фабричных тканей с оборками у талии и на подоле, нередко иного цвета, чем само изделие. За счет оборок платья стали широкие в подоле. Штаны изготавливались не с узким, как прежде, а с широким шагом, как у башкир и других в прошлом кочевых народов. Под влиянием башкир появились войлочные чулки, в качестве праздничной получила распространение кожаная обувь [Молотова 2020, 305–311, 323, 24, 205, 29].

Обобщая ранее приведенные сведения можно реконструировать механизмы формирования локального варианта костюма марийцев Башкирии. В 1770-х гг. наблюдалось заимствование молодыми черемисками актуальных для своей среды головных уборов *такия* (П. С. Паллас). В середине XIX в. произошло перенятие элементов инационального костюма мужчинами – кафтана, тубетейки, малахая (В. Лоссиевский, А. О. Хейкель, Х. Паасонен). По наблюдению Т. Л. Молотовой, причина заключается в подвижности мужского населения, которое занималось кустарными и отхожими промыслами, поэтому легче воспринимало инокультурные явления. Женщины были хранителями традиций, они дольше сохраняли сакральное отношение к одежде, боясь того, что смена в покрое и расцветке может принести несчастья [Молотова 2020, 22; Молотова 1992, 65].

Во второй половине XIX в., после заимствования многих тюркских обычаев в костюме, наблюдался этап сосуществования старого и нового (В. М. Черемшанский, И. Н. Смирнов, У. Хольмберг). Со временем взамен белой домотканине для пошива одежды стали предпочитаться окрашенный холст, пестрядь и фабричные ткани ярких тонов (У. Хольмберг). В конце XIX в. сложилось разнообразие заимствованных головных уборов мужчин (тубетейка, малахай) и женщин (*такия*, *кашпау*, *кыйыкса*). Были восприняты местные верхние одежды (камзол, праздничные кафтаны, вместо вышивки украшенные позументом – *пешмет*), обувь (коты с суконными или войлочными голенищами), войлочные чулки. Стали привычными «башкирский» крой одежды и яркие тона (И. Н. Смирнов), обычаи делать оборки на женских рубахах (В. М. Черемшанский, П. Ерусланов), шить штаны «с широким шагом» (В. М. Черемшанский). Есть примеры использования при пошиве одежды лоскутной техники (треугольники и четырехугольники разных цветов в качестве оборок). В ряде случаев изменилась форма войлочных шляп (И. Н. Смирнов). Манера повязывать платок «как татарки» (П. Ерусланов), вероятно, означает повязывать два конца у подбородка, а остальные свободно опускать на спине. По примеру «магометан» рубахи стали носиться без пояса (И. Н. Смирнов).

Что касается нагрудных украшений марийцев, их разнообразие можно увидеть, например, в альбомах Илдико Лехтинен [Lehtinen 1999, 1994]. В том числе надеваемые под платье и сверху грудного выреза *кёкрак тенге*, *сога*, *теньге*, *кёкрак тонге*, *пыльши муйенча*. По нашим наблюдениям, у марийцев, башкир, а также удмуртов часто встречаются схожие нагрудники овальной, прямоугольной, лопатообразной формы, где на тряпичную основу нашивались серебряные монеты (например, МАЭ, инв. 891-19, Мишкинский р-н РБ). Для этих народов общими являются также тряпичные нагрудники с нашитыми лентами позумента, у башкир называемое *узэу*, у марийцев – *изю*. Отличием марийцев является особенное предпочтение бус и раковин-каури; у башкир больше кораллов, чем у удмуртов и марийцев. Как писал С. И. Руденко [2006, 170], употребление кораллов больше свойственно степным кочевникам. По замечанию С. Н. Шитовой [2002, 362], отличием «башкирских» марийцев является пристрастие к украшениям из монет. Подобно башкиркам и татаркам, монеты на шнурке они вплетали в косы, их нашивали на ткань нередко вперемежку с бусами, раковинами, перламутровыми пуговицами, делали ушные подвески, серьги, подбородочные украшения, украшения для волос, нагрудники, браслеты, кольца (МАЭ, инв. 1082-24, Мишкинский р-н РБ и др.).

Процесс «башкиризации» в этнолокальных группах марийцев проходил с разной степенью интенсивности. Как показали исследования С. Н. Шитовой [2002] и Р. Р. Садикова [2016], дольше этнические традиции сохранялись у прибельских марийцев (бассейн р. Белой). Но и у них в конце XIX – начале XX в. на традиционное домотканое в мелкую красную клетку платье надевали вышитый гладью и тамбуром фартук, отделанный цветной строчкой *йылян*, напоминающий башкирскую верхнюю одежду *елэн* с позументом. Девичьим головным убором служила *такия*. В паре с такой надевали *пельштенге* – подбородочное украшение из монет и бисера, аналогично подбородочной ленте *hakaal* северо-восточных башкир [Шитова 2002, 359].

Иско-сюньские марийцы (бассейн рек Ик и Сюнь) испытали большее тюркское влияние (МАЭ, инв. 920-10, 11, 12, 14, 15, Шаранский р-н РБ). Уже в середине XIX в. они носили длинные пестрядин-



ные рубахи с широкой оборкой («нижним подолом») и двумя-тремя лентами на ней; вокруг грудного разреза нашивая цветную тесьму *изю*. Как отмечает С. Н. Шитова, от башкирского и татарского, платье отличалось коротким станом и коротким подолом. На платье надевали *пеишмет* с позументом или полосатый домотканый *шовыр*. В качестве головного убора служил воспринятый у башкир и татар *кашпау* – шлемовидный убор с широкой накосной лентой (*чачкан*), украшенной бисером и серебряными монетами [Шитова 2002, 359, 360]. Его надевали на головные полотенца – *тастар*, которые представляли собой длинные полосы из белой ткани, концы которых украшались тканым узором, а боковые края вышивались шерстяными нитками. Встречались также заимствованные вязаные колпаки с кисточкой. Обе группы восточных марийцев, как видно из приведенных терминов, при заимствовании у башкир и татар элементов костюмного комплекса, сохранили первооснову названий: *такия* (такия), *пеишмет* (бешмет), *йылян* (елән), *кашпау* (кашпау), *тастар* (тастар), *кийкча* (кыйыкса), *изю* (изэу) и др.

В среде вотяков наблюдались эволюционные процессы, аналогичные марийцам, тем более они проживали в одном ареале Башкирии. По сведениям Н. П. Рычкова, в 1770 г. посетившего д. Бикся Уфимской провинции в бассейне р. Танып, местные вотяки «сохранили те самые законы, которые почитали их древние прародители. <...> В зимнее время упражнение мужчин состоит в битье шерсти и в делании войлоков, а женщины ткут различные холсты, шерстяные сукна, и вышивают полотна шелковыми фигурами, которые употребляют для украшения одежды своей» [Рычков 1770, 164].

По В. М. Черемшанскому, в середине XIX в. женщины носили заимствованные головные уборы и имели пристрастие к украшениям из монет. Вотячки надевали колпаки, на передней части (на лбу) украшенные позументом и бахромой, большие платки с распущенными на спине концами, а под ними – позументные повязки. У зажиточных вотячек нагрудники обшивались позументом и увешивались монетами. В косы вплетались серебряные монеты [Черемшанский 1859, 194–195]. Напомним, что описанный вид нагрудника, платки, повязки, чулкообразные колпаки, вязанные из белых бумажных ниток, носили башкирки и татарки, с украшениями на лбу в виде бахромы и куска серебряного позумента на шелковой подкладке [Черемшанский 1859, 155, 171; Руденко 2006, 166; Татары 2017]. Одежду мужчин В. М. Черемшанский характеризует как многовариантную: короткий кафтан *зипун* без боров, подпоясанный ремнем, а также пестрый бело-синий холщовый кафтан, лапти или сапоги [Черемшанский 1859, 194].

Местный вариант удмуртского костюма зафиксировал А. О. Хейкель, посетивший д. Большой Качак Бирского уезда Уфимской губернии в 1884 г. Он отмечал, что в указанной деревне женщины носят длинное головное полотенце – чалма, которым обертывают голову два раза, опуская украшенные концы на спину. Имеется накосник из монет и жетонов (*dişronat*), налобная повязка из бархата или позумента, украшенная бахромой и бобровым мехом в верхней части (*taçak*), белая шапочка колпак (*kalpak*) и «веночек с деньгами на лбу» манглай (*manglai*). Среди прочих украшений – полоска с нашивками монет, которую надевают на грудь от левого плеча, проводя через правую подмышку (*silsumys*), «татарский нагрудник» (*töşläk*); камзол (*kamzol*) – верхняя одежда из бархата без рукавов; бешмет (*beşmät*) – верхняя одежда из бархата с рукавами и т. д. [Садиков, Миннихметова 2012, 50].

И. Н. Смирнов в 1890 г. поделился наблюдениями об одежде вотяков Бирского уезда Уфимской губернии: «Характерным признаком этого костюма является подражательность. Вотские формы рубашки и кафтана исчезают. Рубашка Елабужского, Сарапульского и Бирского уезда – башкиро-татарская, цветная широкая, с оборкой на подоле и монистом ситцевым или парчовым на груди. Вместо шоть-дерема заступает зыбын – татарский кафтанчик из шерстяной или шелковой материи. Айшон почти всюду исчезает, уступая место французскому платку. У девушек на лбу носится узкая повязка, обшитая позументом и серебряной бахромой (уко шуг в Елабужском и Сарапульском уездах, чачак в Бирском). Шея украшается в Елабужском и Бирском уездах ожерельем, которое состоит из обшитого позументом галстуха, застегивающегося наперед двумя пряжками. К каждой пряжке прикреплены серебряные или оловянные цепочки с пластинками в виде сердечек. <...> Через плечо Бирские и Елабужские вотячки носят перевязь, обшитую спереди мелкими монетами, серебряными копейками» [Смирнов 1890, 100].

Описывая мужской костюм, И. Н. Смирнов отмечает, что «Отатарившиеся или обашкирившиеся вотячки носят татарскую рубашку без пояса, <...> татарского типа полукафтаны из так называемой чубы – полосатой ткани вроде тика. Головной убор вотяков также зависит от того, с кем живут они в соседстве. В коренных вотских селениях это низенький цилиндрический колпак с верхом так называемой конфедератки. В соседстве с русскими вотячки употребляют картузы или русские гречушники; в соседстве с татарами и башкирами – татарские шляпы с полями, загнутыми сзади, под шляпой

в таких местностях (особенно крещеными) носится тюбетей. Татарская обувь заменяет в таких селениях вотские лапти или русские сапоги» [Смирнов 1890, 101].

У. Хольмберг указывает, что одежда вотяков «полностью перенята от татар», мужчины носят длинные кафтаны и мусульманскую тюбетейку, даже находясь в избе. «Женская одежда весьма разноцветная; женщины любят яркие тона. К косе, которая даже у старух свисает на спину, прикрепляют монетки и прочие блестящие украшения. <...> Женщины охотно украшают себя драгоценностями, особенно на праздники. У хозяек зажиточных семей вся грудь покрыта большими серебряными монетами и жемчугами. Видимо серебро, жемчужины и белые ракушки, которые пришивают также к одежде детей и к колыбели, имеют свойство оберега» [Путешествия... 2014, 75].

По материалам музейных коллекций можно проследить, что женская рубаша закамских удмуртов в конце XIX – начале XX в., в отличие от северо-удмуртской традиции, шилась из пестряди, имела два боковых скошенных клина, широкие рукава с клиньями, сужавшиеся к кистям, небольшой стоячий воротник, оборки и нашивки у подола [Финно-угорские народы, 2006], как у башкир [Руденко 2006, 154–155]. Вместо красной вышивки на белом холсте, выполнявшей функции оберега, появились яркие нашивки. Женские фартуки, в отличие от северо-удмуртских (подобные восточно-марийским), шились с высокой грудкой, к подолу пришивались оборки. Усиление декоративного начала сказалось также в головных тканых полотенцах из фабричной ткани, представляющих собой *чалму* с оборками [Косарева 2020, 141, 150, 151, 160, 161 и др.] и схожих с полотенцами марийцев [Финно-угорские народы... 2006, 42–46]. На примере музейных экспонатов И. А. Косарева выявила, что в развитии узорного ткачества южных удмуртов особенно сильное влияние башкир усматривается в верхнеижско-шарканской группе удмуртов, проживающих на восточной окраине Удмуртии, где на противоположном берегу р. Кама располагаются башкирские аулы. От башкир удмурты восприняли сложные узоры, выполненные в закладной технике [Косарева, 2020, 84, 348].

В процессе перехода от белой к пестрядинной одежде, как подметила Е. Е. Нечвалода на материалах красноуфимских марийцев, новая ткань первоначально пускалась на рукава. К белой холщовой рубаше, например, пришивались рукава из сине-белой пестряди [Никонорова 2006]. Появление оборок у рубах также отмечалось использованием контрастного по фактуре и цвету материала. Так, в фондах МАЭ имеется туникообразная рубаша из полосатой пестряди (широкие полосы красного и желтого цвета, узкие – синие, белые, черные), отрезная по талии, с широкой оборкой у пояса из темно-синей хлопчатобумажной ткани (МАЭ, инв. 1076-2, Янаульский р-н РБ) [Финно-угорские народы... 2006, 75]. Коллекция удмуртских камзолов МАЭ позволяет изучить эволюцию в способах декорирования. Камзолы конца XIX в. сшиты без рукавов из фабричных ярких однотонных плотных тканей, вышивка заменена аппликацией (МАЭ, инв. 1076-4, Янаульский р-н РБ) [Финно-угорские народы... 2006, 76–77].

Таким образом, удмуртами заимствовались те же элементы костюма башкир и татар, что и марийцами Башкортостана, а также крой одежды, декоративные и цветовые решения. Вектор развития был направлен на утрату магических и усиление декоративных функций. В итоге формировался образ «башкирских» удмуртов (как и «башкирских» марийцев), исходя из новой народной эстетики с яркими красками и обилием украшений. Удмурты и марийки, как и башкиры, под рубашой на месте грудного разреза носили съемный тряпичный нагрудник *кукрак* (у башкир – *кукрэксэ*), *мырасшет*, который представлял собой четырехугольный кусок домотканины с нашитыми полосками цветного ситца. Поверх грудного разреза рубах женщины имели тряпичные нагрудники с нашитыми монетами и по краям позументом (*тöшуко*, *мылазьуко*). Головной убор у удмуртов, как и у башкир, называется *маңлай*, подбородочные повязки *сакал* (у башкир – *hакал*). Схожими с башкирами были нагрудные подвески из монет (*сырга*, *ошет*, *зака*), накосные ленты, серьги, перстни, браслеты [Садиков 2016].

Костюмные комплексы марийцев и удмуртов испытали сильное влияние башкир и татар. В то же время они сохранили некоторые традиции предков, и можно выделить четыре причины этого явления. Во-первых, их этнокультурная идентичность поддерживалась компактным расселением значительной части населения в сельской местности (собственные поселения) и новыми потоками переселенцев с прежней родины. Во-вторых, ареалы расселения выходили за пределы Башкирии, а воспроизводство традиций осуществлялось благодаря брачным отношениям с представителями своего этноса [Попова 2010]. В-третьих, на территории Башкирии на протяжении веков формировалось лояльное отношение к многочисленным переселенцам, отличающимся разнообразием языков, религий и культур, отсюда бережное отношение к традициям своего народа, тогда как на других территориях имел место этнический нигилизм [Никитина 2016, 41, 48]. В-четвертых, сдерживающим фактором стала разная конфессиональная принадлежность, с одной стороны, удмуртов и марийцев, преимущественно



язычников, с другой – православных русских, с третьей – мусульман башкир и татар. Неслучайно в числе традиционных атрибутов национального костюма, сохранившихся до наших дней, стал кафтан (*шобьыр* у марийцев, *шортдэрем* у удмуртов) прямого туникообразного покроя из белой домотканины, надеваемый на время проведения общественных ритуалов, а также в качестве одежды жрецов и «смертной» одежды [Попова 2010]. Особо сакральное отношение к одежде жрецов объясняется тем, что холст, из которого он изготавливался «всем миром», всеми женщинами села, считался рукотворным, обладал магической силой [Молотова 2010], а сами жрецы представляют связь времен и поколений.

Влияние русской культуры на удмуртов и марийцев Башкирии в изучаемый период (до начала XX в.) было менее заметным, чем башкирской и татарской. Как отмечал И. Н. Смирнов, от русских марийские мужчины переняли высокие сапоги и красные косоворотки, а женщины фабричные платки или полшшалки, однако «... русский женский костюм не может соперничать с тюркским по силе влияния. Импонируют, вызывают подражание идеальные, лучшие образцы данного костюма, в создании которых участвуют и богатство, и вкус» [Смирнов 1889, 80]. Помимо эстетических вкусов могли иметь значение психологические факторы и историческая память о противостоянии Казанского ханства (куда раньше относились вотяки и черемисы) и христианской Руси [Кузеев 1992, 110], негативный образ православных русских вследствие насильственной христианизации на прежней родине, произвола русских властей в Башкирии. В процессе колонизации многочисленного русского населения с XVIII в. наблюдались земельные ущемления удмуртов и марийцев, обусловившие ухудшение социально-экономического самочувствия. Важнейшей причиной было и то, что финно-угорские и тюркские народы еще начиная с болгарского времени сформировали общие пласты культур, в том числе в одежде (рубаша из белого холста туникообразного кроя, штаны, полотенчатые головные уборы с начельником, использование монет для украшений и др.). В XIX–XX вв. в их среде происходили схожие эволюционные процессы (замена белого холста пестрядью, затем фабричной тканью, использование тесьмы, позументов и проч.).

Кроме того, как писал Р. Г. Кузеев, «Доминирование того или иного пути культурного развития главным образом находилось в зависимости от интенсивности действия социально-политических факторов. В XVI в., а также в XVIII–XIX вв., достаточно отчетливо прослеживается влияние в регионе на финно-угорское население и чувашей, особенно на их маргинальные группы, татарской и башкирской культуры» [Кузеев 1992, 211]. На протяжении XVIII–XIX вв. крупнейшим торговым, экономическим и культурным центром, а также законодателем моды не только Волго-Уральского региона, но и страны, была Казань. Казанская губерния (ранее – Волжская Булгария) была связующим звеном в торговле между Европой и Азией, странами Востока. Татарские купцы отличались активной деятельностью, владением языками, знанием особенностей торговых отношений, благодаря чему многие импортные вещи становились частью культуры татар, а затем и других народов [Курбанова 2016]. Более того, в Казанской губернии производились ткани (китайка, сукно, холст, кумач), кожа (включая сафьян), обувь (сафьяновые сапоги, получившие популярность в мире, кожаные башмаки, узорные валенки), головные уборы (тюбетейки), ювелирные украшения (использовалось литье, чеканка, гравировка и пр.).

Как отмечают исследователи, появление фабричных тканей способствовало изменениям в покрое (отрезные по талии, вырезанные рукава) и способах декорирования (появление оборок, нашивок). В распространении верхней одежды одинакового покроя немаловажную роль сыграли портные-отходники [Молотова 1992, 32]. Распространение одинаковых украшений у женщин связано с запретами для башкир, марийцев и других народов Урало-Поволжья (после участия в народных восстаниях) заниматься металлообработкой с одной стороны, и с другой – развитием ремесел и купечества в Казани [Молотова 1992, 41].

В Оренбургскую и Уфимскую губернию товары поступали прежде всего из Казани и Нижнего Новгорода, через надежное сообщение по Волге, Каме и Белой. Башкиры продавали мед, воск, пушнину, скот, лес, соль, продукты лесных промыслов; покупали ткани, одежду, украшения. Как отмечал Н. А. Гурвич, имевшиеся в 1880-х гг. в Уфимской губернии кожевенные и сапожные производства были немногочисленные и не имели промышленного значения. Деятельность крестьян ограничивалась изготовлением предметов домашнего обихода для собственных нужд, «тканьем и вязанием принадлежностей одежды, весьма немного для продажи» [Гурвич 1883, 70].

Очевидно, проникновение модных явлений в среду удмуртов и марийцев Башкирии шло большей частью через посредников-башкир, которые составляли многочисленную и влиятельную часть населения, и среди них формировалось купечество. Через башкир они оказались вовлеченными в эт-

нокультурный тюркский мир с родственными этносами из Урало-Поволжья и Центральной Азии, и переняли эстетику восточных культур с яркими красками, многослойностью, разнообразием, обилием украшений и декоративных элементов. Костюмные комплексы тюркских народов имели схожие элементы, включали платья с оборками и воланами, поверх которого надевался распашной яркий камзол, украшенный вышивкой, бисером, каймой, нашивками, богато орнаментированный девичий головной убор «такия», бешмет, легкие вышитые сапоги, штаны «с широким шагом» [Сухарева 1982].

О значительном влиянии башкир на культуру финно-угорских народов свидетельствует тот факт, что в процессе тюркизации и исламизации удмурты и марийцы, как показало изучение материалов Национального архива Республики Башкортостан, чаще всего становились башкирами, в то время как чуваша – татарами [Национальный архив..., оп. 3, д. 11167, 11822, 1190 и др.]. При этом ислам не оказал значительного влияния на национальный костюм не только удмуртов и марийцев, но и самих башкир. Имело место проникновение этнических, а не конфессиональных традиций соседних народов. Так, украшения удмуртов, марийцев, башкир до сих пор представляют собой яркие шумяще-звонящие изделия с кораллами, серебряными монетами, раковинами-каури, бисером, бляшками, характерными доисламской культуре. Как показано выше, зажиточные вотяки и черемисы могли иметь головные уборы аналогично башкирским *такия* и *каштау*, изготавливать нагрудники с монетами, позументами и другими украшениями, вплетать в косы монеты, шить одежду из фабричных тканей и вышивать шелком [Черемшанский 1859, 155]. В свою очередь изменения в национальном костюме (наряду с освоением языка и других элементов культуры) становились шагом в смене этнической и конфессиональной идентичности, а также обретения региональной идентичности.

Таким образом, процесс «башкиризации» костюма удмуртов и марийцев был многоэтапным. В конце XVIII в. наблюдалось восприятие отдельных элементов костюма – по сведениям исследователей девичьих головных уборов. В первой половине XIX в. произошла «башкиризация» мужского костюма удмуртов и марийцев Башкирии (головных уборов и верхней распашной одежды камзол и бешмет). Во второй половине XIX в. вектор развития мужского костюма был направлен на русификацию и этническую унификацию, хотя к концу XIX в. сохранились тюркские черты. Вотячки и черемиски в XIX в. оказались в едином потоке изменений вместе с башкирами и татарами. В середине XIX в. сосуществовали традиционные бело-холщовые одежды, изделия из крашеины и пестряди. Последняя в XX в. стала популярным материалом для пошива одежды восточных марийцев и закамских удмуртов. К концу столетия активно использовалась мануфактура, вначале как элемент отделки изделий из пестряди. В процессе демократизации общества, в соответствии с возможностями промышленности, ремесел, торговли, а также новой модой на протяжении второй половины XIX в. менялся покрой и способы декорирования, унифицировалась обувь и головные уборы, элементы костюма стали многовариантными. Вышивка на белом холсте заменилась позументом на однотонной ткани. Нижняя часть платья стала расклешенной за счет складок и оборок. Предпочитались яркие ткани и разнообразные декоративные элементы. В целом завершилось формирование локальных вариантов костюмов марийцев и удмуртов Башкортостана. К этому же времени произошло формирование костюмных комплексов – этнотерриториальных маркеров – большинства народов Волго-Уральского региона, хотя изменения происходили и в дальнейшем, в том числе под влиянием русской культуры.

ЛИТЕРАТУРА

- Башкиры (Сер.: Народы и культуры) / отв. ред. Р. Г. Кузеев, Е. С. Данилко. М.: Наука, 2017. 662 с.
- Галиева Ф. Г. Финно-угорско-тюркская этнокультурная общность в погребальной обрядности башкир / Ф. Г. Галиева // Ежегодник финно-угорских исследований. 2020. Т. 14. вып. 2. С. 336–345.
- Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. М.: Библиотека РУСАЛа, 2007. 128 с.
- Гурвич Н. А. Справочная книжка Уфимской губернии. Сведения числовые и описательные относятся к 1882–83 гг. и только весьма немногие к прежним годам. Составил по поручению Уфимского Губернского Статистического комитета Н. А. Гурвич, Член-Секретарь Уфимского и Действительный Член других Статистических Комитетов, Член Императорского Русского Географического и других ученых обществ. Уфа: Печатня Н. К. Блохина, 1883. 875 с.
- Ерусланов П. Краткий отчет о поездке к черемисам Уфимской губернии летом 1896 г. // Этнографическое обозрение. 1896. № 2–3. С. 324–329.



- Косарева И. А.* Искусство узорного ткачества удмуртского народа. Альбом-монография. Ижевск, 2020. 492 с.
- Курбанова З. И.* Традиционный мужской костюм каракалпаков (конец XIX – конец XX вв.) // Проблемы востоковедения. 2016. № 2 (72). С. 48–52.
- Лоссиевский В.* Быт и праздники черемис Оренбургской губернии // Оренбургские губернские ведомости. 1848. № 41, 42.
- Молотова Т. Л.* Марийский народный костюм / Мин-во культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл; Респ. науч.-метод. центр нар. творчества и культурно-досуговой деятельности; Нац. музей Республики Марий Эл им. Евсеева. Йошкар-Ола, 2020. 383 с.
- Молотова Т. Л.* Марийский народный костюм. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1992. 108 с.
- Молотова Т. Л.* Религиозный фактор в сохранении идентичности восточных марийцев // Этнографическое обозрение. 2010. № 6. С. 81–92.
- Кузеев Р. Г.* Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: этногенетический взгляд на историю. М.: Наука, 1992. 347 с.
- Кузеев Р. Г.* Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. Уфа: ДизайнПолиграфСервис, 2010. 560 с.
- Национальный архив Республики Башкортостан. Ф. 295: Оренбургское духовное магOMETанского закона собрание. Уфимское духовное магOMETанского закона собрание.
- Нечвалода Е. Е.* Традиционная женская одежда удмуртов в материалах экспедиции Шапде'Отроша // Ежегодник финно-угорских исследований. 2019. Т. 13. Вып. 1. С. 101–108.
- Нечвалода Е. Е.* Удмуртский женский головной убор айшон в описаниях и графике XVI – XVIII вв. // Вестник угроведения, 2020. № 4. С. 728–738.
- Никитина Г. А.* Закамские удмурты: общее и особенное // Финно-угорский мир. 2016. № 2. С. 42–50.
- Никонорова Е. Е.* Одежда уральских марийцев в собрании Музея археологии и этнографии (Уфа) // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Материалы III региональной науч.-практич. конф. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2006. С. 189–199.
- Никонорова Е. Е.* Некоторые особенности башкирского женского костюма XVIII–XIX веков // Башкирский край: сб. статей. Уфа, 1997. С. 42–57.
- Паллас П. С.* Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб.: Имп. АН, 1773–1788. Т. 3, ч. 2. 1786. 476 с.
- Попова Е. В.* Удмурты в этнически смешанных селениях Урало-Поволжья: опыт соседства // Этнографическое обозрение. 2010. № 6. С. 66–80.
- Путешествия к удмуртам и марийцам. Письма Уно Хольмберга 1911 и 1913 гг. (Matkat udmurtien ja marien luo. Uno Holmbergin kirjeita vuosilta 1911 ja 1913) / под редакцией С. Лаллукки, Т. Г. Миннихметовой, Р. Р. Садикова. СПб.: Европейский дом, 2014. 224 с. (Сер.: Финляндия в России)
- Рабо Ш.* Путешествие по северу России: [пер. с франц. А. Ш. Губайдуллиной под ред. И. В. Кучумова; авт. предисл. и прим. И. В. Кучумов. М.: Алетей, 2021. 250 с.
- Руденко С. И.* Башкиры: Историко-этнографические очерки. М.: Наука, 1955. 394 с.; Уфа: Китап, 2006. 376 с.
- Рычков Н. П.* Журнал, или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства в 1769 и 1770 году. СПб., 1770. Ч. 1. 190 с.
- Садиков Р. Р.* Финно-угорские коллекции в уфимских музеях // Ежегодник финно-угорских исследований. 2015. Том 9. Вып. 1. С. 87–98.
- Садиков Р. Р.* Финно-угорские народы Республики Башкортостан (история, культура, демография. Уфа: ООО «Первая типография», 2016. 276 с.
- Садиков Р. Р., Миннихметова Т. Г.* Зарубежные исследователи этнографии, фольклора и языка закамских удмуртов: историографический очерк // Ежегодник финно-угорских исследований. 2012. Том 6. Вып. 4. С. 49–62.
- Смирнов И. Н.* Вотяки. Историко-этнографический очерк // Известия Общества археологии, истории и этнографии. Т. 8. Вып. 2. Казань: Тип. Ун-та, 1890. 358 с.
- Смирнов И. Н.* Черемисы. Историко-этнографический очерк. Казань: Тип. Ун-та, 1889. 212 с.
- Суслова С. В.* Татарский костюм. Историко-этнологическое исследование. Казань: Татар. кн. изд-во, 2018. 239 с.
- Сухарева О. А.* История среднеазиатского костюма. Самарканд (вторая половина XIX – начало XX в.). М.: Наука, 1982. 142 с.

Татары. 2-е изд., доп. и перераб. / отв. ред. Г. Ф. Габдрахманова, В. В. Трепавлов, Р. К. Уразманова. М.: Наука, 2017. 799 с. (Сер.: Народы и культуры)

Финно-угорские народы в коллекциях Музея археологии и этнографии Центра этнологических исследований УНЦ РАН. Каталог / отв. ред. Ф. Г. Ахатова. Уфа: ЦЭИ УНЦ РАН, 2006. 120 с.

Христолюбова Л., Миннихметова Т. Удмурты // Народы Башкортостана: ист.-этнограф. очерки. Уфа, 2002. С. 395–412.

Черемшанский В. М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношении. Уфа, 1859. 472 с.

Шитова С. Н. Башкирская народная одежда. Уфа: Китап, 1995. 240 с.

Шитова С. Н. Марийцы // Народы Башкортостана: ист.-этнограф. очерки. Уфа, 2002. С. 347–384.

Шитова С. Н. Финно-угорский компонент в народной одежде башкир // Исследования по исторической этнографии Башкирии. Уфа, 1984. С. 9–28.

Lehtinen I. Marien mekot. Volgansuomalaisten kansanpukujen muutoksista. Helsinki, 1999.

Lehtinen I. Tscheremissischer Schmuck. Ethnographische Untersuchung. Helsinki, 1994.

Поступила в редакцию 25.03.2020

Галиева Фарида Габдулхаевна,
доктор филологических наук, кандидат исторических наук, доцент,
главный научный сотрудник,
Институт этнологических исследований им Р.Г. Кузеева –
обособленное структурное подразделение
Федерального государственного бюджетного научного учреждения
Уфимского федерального исследовательского центра
Российской академии наук.
450077, Уфа, К. Маркса, 6
e-mail: afg18@mail.ru

F. G. Galieva

«BASHKIRIZATION» OF COSTUME COMPLEXES OF UDMURTS AND MARI PEOPLE OF BASHKORTOSTAN

DOI: 10.35634/2224-9443-2022-16-4-628-640

The article examines the process of formation of regional variants of traditional costumes. The data of researchers of the 18th – early 20th centuries (P. S. Pallas, N. P. Rychkov, V. M. Cheremshansky, I. N. Smirnov, P. Eruslanov, U. Holmberg, etc.) and materials of Finno-Ugric museum collections are summarized. It is noted that consideration of "Udmurt", "Mari", "Bashkir" and other traditions can be considered with a high degree of conditionality, based on the long stage of the Finno-Ugric-Turkic community and the allocation of ethnoses with the discrepancy of their ethno-cultural boundaries. It is shown that in the works of the past centuries, the Bashkirs were generalized with the Tatars, meaning the Tatars as «eastern» peoples. Official statistics show that in the studied areas (Birsky, Belebeyevsky, Menzelinsky uyezds of the Ufa province,) we are talking primarily about the Bashkirs.

According to a corpus of sources, the evolution of costumes of the Udmurts and Mari people of Bashkortostan went the same way. At the end of the 18th century, the perception of individual elements (girls' headdresses) observed. In the first half of the 19th century there was "Bashkirization" of men's costume (borrowing headdresses, upper swing clothing camisole and beshmet). Udmurt and Mari women's costumes found themselves in a single stream of ethno-cultural changes, along with Bashkir and Tatar, during the democratization of society, the formation of a single trade, economic and ethno-cultural space with changing fashion. In the middle of the 19th century, traditional white-canvas clothing, products made of krashenina and pestryad, as well as manufactured clothing, coexisted among different peoples. New fabrics first used as an element of finishing products, then independently. Bright colors and jewelry made of coins were preferred. The cut and methods of decorating clothes have become multivariate. The image of the "Bashkir" Udmurts and Mari people formed.

Keywords: Bashkirs, Udmurts, Mari, ethnogenetic community, ethno-cultural community, Volga-Ural region, Bashkortostan, museum collections, evolution of traditions.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2022, vol. 16, issue 4, pp. 628–640



REFERENCES

- Bashkiry`* [Bashkirs]. Moscow: Nauka, 2017. 662 p. In Russian.
- Galieva F. G.** *Finno-ugorsko-tyurkskaya etnokul'turnaya obshhnost` v pogrebal'noj obryadnosti bashkir* [Finno-ugric-turkic ethno-cultural community in the funeral rites of Bashkir]. *Ezhegodnik finno-ugorskix issledovanij* [Yearbook of Finno-Ugric studies]. 2020. Vol. 14, issue 2, pp. 336–345. In Russian.
- Georgi I. G.** *Opisanie vsekh obitayushhikh v Rossijskom gosudarstve narodov, ikh zhitejskikh obryadov, obyknovenij, odezhd, zhilishh, uprazhnenij, zabav, veroispovedanij i drugikh dostopamyatnostej* [Description of all peoples living in the Russian state, their everyday rites, customs, clothes, dwellings, exercises, amusements, religions and other memorials]. Moscow, 2007. 128 p. In Russian.
- Gurvich N. A.** *Spravochnaya knizhka Ufimskoj gubernii. Svedeniya chislovye i opisatel'ny'e otosyatsya k 1882–83 gg. i tol'ko ves'ma nemnogie k prezhnim godam. Sostavil po porucheniyu Ufimskogo Gubernskogo Statisticheskogo komiteta N. A. Gurvich, Chlen-Sekretar` Ufimskogo i Dejstvitel'ny`j Chlen drugix Statisticheskix Komitetov, Chlen Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo i drugix ucheny`x obshhestv* [Reference book of the Ufa province. The numerical and descriptive data refer to the years 1882–83, and only a very few to the previous years. Compiled by N. A. Gurvich, a Member-Secretary of the Ufa and Full Member of other Statistical Committees, a member of the Imperial Russian Geographical and other scientific societies, on behalf of the Ufa Provincial Statistical Committee]. Ufa, 1883. 875 p. In Russian.
- Eruslanov P.** *Kratkij otchet o poezdke k cheremisam Ufimskoj gubernii letom 1896 g.* [Brief report on the trip to the Cheremis of the Ufa province in the summer of 1896]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic review]. 1896, no. 2–3, pp. 324–329. In Russian.
- Kosareva I. A.** *Iskusstvo uzornogo tkachestva udmurtskogo naroda. Al'bom-monografiya* [The art of patterned weaving of the Udmurt people. Album-monograph]. Izhevsk, 2020. 492 p.
- Kuzeyev R. G.** *Narody` Srednego Povolzh'ya i Yuzhnogo Urala: e'tnogeneticheskij vzglyad na istoriyu* [Peoples of the Middle Volga region and the southern Urals: an ethnogenetic view of history]. Moscow: Nauka, 1992. 347 p. In Russian.
- Kuzeyev R. G.** *Proiskhozhdenie bashkirskogo naroda. Etnicheskij sostav, istoriya rasseleniya* [Origin of the Bashkir people. Ethnic composition, history of settlement]. Ufa, 2010. 560 p. In Russian.
- Kurbanova Z. I.** *Tradicionny`j muzhskoj kostyum karakalpakov (konecz XIX – konecz XX vv.)* [Traditional male costume of Karakalpaks (late XIX – late XX centuries)]. *Problemy` vostokovedeniya* [Problems of Oriental Studies]. 2016, no. 2 (72), pp. 48–52. In Russian.
- Lossievsky V.** *Byt i prazdniki cheremis Orenburgskoj gubernii* [Life and holidays of cheremis of the Orenburg province]. *Orenburgskie gubernskie vedomosti* [Orenburg gubernskie vedomosti]. 1848, no. 41, 42. In Russian.
- Molotova T. L.** *Marijskij narodny`j kostyum* [Mari folk costume]. Yoshkar-Ola, 2020. 383 p. In Russian.
- Molotova T. L.** *Marijskij narodny`j kostyum* [Mari folk costume]. Yoshkar-Ola, 1992. 108 p. In Russian.
- Molotova T. L.** *Religiozny`j faktor v soxranenii identichnosti vostochny`x marijcev* [The Religious factor in preserving the Identity of the Eastern Mari people]. *E'tnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic review]. 2010, no. 6, pp. 81–92. In Russian.
- Nacional'ny`j arxiv Respubliki Bashkortostan* [National archives of the Republic of Bashkortostan]. F. 295. In Russian.
- Nechvaloda E. E.** *Tradicionnaya zhenskaya odezhda udmurtov v materialax e'kspedicii Shapp de'Otrosha* [Traditional women's clothing of the Udmurts in the materials of the Chappé de 'otrosha expedition]. *Ezhegodnik finno-ugorskix issledovanij* [Yearbook of Finno-Ugric Studies]. 2019. Vol. 13, issue 1, pp. 101–108. In Russian.
- Nechvaloda E. E.** *Udmurtskij zhenskij glavnoj ubor ajshon v opisaniyax i grafike XVI – XVIII vv.* [Udmurt female headdress aishon in descriptions and graphics of the XVI–XVIII centuries]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies]. 2020, no. 4, pp. 728–738. In Russian.
- Nikitina G. A.** *Zakamskie udmurti: obshche i osobennoe* [Zakamsky Udmurts: general and special]. *Finno-ugorskij mir* [Finno-Ugric World]. 2016, no. 2, pp. 42–50. In Russian.
- Nikonorova E. E.** *Odezhda ural'skix marijcev v sobranii Muzeya arxeologii i e'tnografii (Ufa)* [Clothes of the Ural Mari people in the collection of the Museum of Archeology and Ethnography (Ufa)]. *E'tnicheskie vzaimodejstviya na Yuzhnom Urale*. [Ethnic interactions in the Southern Urals]. Chelyabinsky, 2006, pp. 189–199. In Russian.
- Nikonorova E. E.** *Nekotory`e osobennosti bashkirskogo zhenskogo kostyuma XVIII–XIX vekov* [Some features of the Bashkir women's costume of the XVIII–XIX centuries]. *Bashkirskij kraj* [Bashkir Krai: collection of articles]. Ufa, 1997, pp. 42–57. In Russian.
- Pallas P. S.** *Puteshestvie po razny`m provinciyam Rossijskogo gosudarstv* [Travel to different provinces of the Russian state]. St. Petersburg, 1773–1788. Vol. 3, 1786. 476 p. In Russian.

- Popova E. V.** *Udmurty` v e`tnicheski smeshanny`x seleniyax Uralo-Povolzh`ya: opy`t sosedstva* [Udmurts in ethnically mixed villages of the Ural-Volga region: neighborhood experience]. *E`tnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic review]. 2010, no. 6, pp. 66–80. In Russian.
- Puteshestviya k udmurtam i marijczam Pis`ma Uno Khol`mberga 1911 i 1913 gg.* [Travels to the Udmurts and Mari Letters of Uno Holmberg 1911 and 1913]. St. Petersburg, 2014. 224 p. In Russian, In Finnish.
- Rabot, Charles.** *A travers la russie boréale.* Paris, 1894. In French.
- Rudenko S. I.** *Bashkiry: istoriko-etnograficheskie ocherki* [Bashkirs: historical and ethnographic essays]. Ufa: Kitap, 2006. 376 p. In Russian.
- Rychkov N. P.** *Zhurnal, ili dnevny`e zapiski puteshestviya kapitana Ry`chkova po razny`m provinciyam Rossijskogo gosudarstva v 1769 i 1770 godu* [Journal, or Daily notes of Captain Rychkov's travels in different provinces of the Russian state in 1769 and 1770]. St. Petersburg, 1770. Part 1. 190 p. In Russian.
- Sadikov R. R.** *Finno-ugorskie kollekcii v ufimskix muzeyax* [Finno-Ugric collections in Ufa museums]. *Ezhegodnik finno-ugorskix issledovanij* [Yearbook of Finno-Ugric Studies]. 2015, no. 1, pp. 87–98. In Russian.
- Sadikov R. R.** *Finno-ugorskie narody Respubliki Bashkortostan (istoriya, kul`tura, demografiya)* [Finno-Ugric peoples of the Republic of Bashkortostan (history, culture, demography)]. Ufa, 2016. 276 p. In Russian.
- Sadikov R. R., Miniakhmetova T. G.** *Zarubezhny`e issledovateli e`tnografii, fol`klora i yazy`ka zakamskix udmurtov: istoriograficheskij ocherk* [Foreign researchers of ethnography, folklore and language of the Zakamsk Udmurts: a historiographical sketch]. *Ezhegodnik finno-ugorskix issledovanij* [Yearbook of Finno-Ugric Studies]. 2012. Issue 4, pp. 49–62. In Russian.
- Smirnov I. N.** *Votyaki. Istoriko-e`tnograficheskij ocherk* [Votyaks. Historical and ethnographic essay]. *Izvestiya Obshchestva archeologii, istorii i etnografii* [Proceedings of the Society of Archeology, History and Ethnography]. Vol. 8, issue 2. Kazan, 1890. 358 p. In Russian.
- Smirnov I. N.** *Cheremisy`. Istoriko-e`tnograficheskij ocherk* [Cheremisy. Historical and ethnographic essay]. Kazan, 1889. 212 p. In Russian.
- Suslova S. V.** *Tatarskij kostyum. Istoriko-e`tnologicheskoe issledovanie* [Tatar costume. Historical and ethnological research]. Kazan, 2018. 239 p. In Russian.
- Sukhareva O. A.** *Istoriya sredneaziatskogo kostyuma. Samarkand (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [History of the Central Asian costume. Samarkand (the second half of the XIX – the beginning of the XX century)]. Moscow: Nauka, 1982. 142 p. In Russian.
- Tatary`* [Tatars]. / ed. by G. F. Gabdrakhmanova, V. V. Trepavlov, R. K. Urazmanova. Moscow: Nauka, 2017. 799 p. In Russian.
- Finno-ugorskie narody` v kollekciyax Muzeya arxeologii i e`tnografii Centra e`tnologicheskix issledovanij UNCz RAN. Katalog* [Finno-Ugric peoples in the collections of the Museum of Archeology and Ethnography of the Center for Ethnological Research of the UNC RAS. Catalog]. Ufa, 2006. 120 p. In Russian.
- Hristolyubova L., Minniyakhmetova T.** *Udmurty`* [Udmurts]. *Narody` Bashkortostana* [Peoples of Bashkortostan]. Ufa, 2002, pp. 395–412. In Russian.
- Cheremshansky V. M.** *Opisanie Orenburgskoj gubernii v hozyajstvenno-statisticheskome, etnograficheskome i promyshlennom otnosheniyah* [Description of the Orenburg province in economic-statistical, ethnographic and industrial relations]. Ufa, 1859. 472 p. In Russian.
- Shitova S. N.** *Bashkirskaya narodnaya odezhda* [Bashkir folk clothing]. Ufa: Kitap, 1995. 240 p. In Russian.
- Shitova S. N.** *Marijcy* [Mari]. *Narody` Bashkortostana* [Peoples of Bashkortostan]. Ufa, 2002, pp. 347–384. In Russian.
- Shitova S. N.** *Finno-ugorskij komponent v narodnoj odezhde bashkir* [Finno-Ugric component in Bashkir folk clothing]. *Issledovaniya po istoricheskoi e`tnografii Bashkiri* [Research on historical ethnography of Bashkiria]. Ufa, 1984, pp. 9–28. In Russian.
- Lehtinen I.** *Marien mekot.* *Volgansuomalaisten kansanpukujen muutoksista.* Helsinki, 1999. In Finnish.
- Lehtinen I.** *Tscheremissischer Schmuck. Ethnographische Untersu-chung.* Helsinki, 1994. In Finnish.

Received 25.03.2020

Galieva Farida Gabdulkaevna,

Doctor of Philology, Candidate of History, Associate Professor, Chief Researcher,
R. G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies - Subdivision of the Ufa Federal Research Centre
of the Russian Academy of Sciences, Institute of ethnological researches,
6, Karla Marksa st., Ufa, 450077, Russian Federation